

²² Там же. Заметим попутно, что доказательство существования неделимой «единицы» путем обращения к Я разобрано Кантом в примечании к антитезису второй антиномии, причем с выводом, неблагоприятным для онтологии Якушкина. По Канту, доказательство «монады» по аналогии с Я невозможно, так как это Я как «абсолютное единство» существует лишь в ситуации мышления субъекта о себе как об объекте. Но как «предмет созерцания» извне Я лишается своей «простоты» и неделимости.

²³ Там же, с. 190.

²⁴ Там же, с. 192.

²⁵ Там же, с. 190.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, с. 191.

²⁹ Там же, с. 189.

³⁰ Записки..., с. 195.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 196.

³³ Там же, с. 179.

³⁴ Подробнее об этом см.: Мотрошилова Н. В. Теории разума и мышления в европейской философии XVII—XVIII веков и их социальная обусловленность. — В кн.: Социальная природа познания. Материалы..., вып. 1. М., 1973.

³⁵ А по Гердеру, «традиция» и «органические силы» являют собой «простые и недвусмысленные принципы философии истории» — там же, с. 230.

³⁶ «...Нужно попытаться найти в этом бессмысленном ходе человеческого дела *цель природы*, на основании которой у существ, действующих без собственного плана, все же была бы возможна история согласно определенному плану природы» (6, 8).

А. А. ЧЕРНЯВСКАЯ

ФИЛОСОФИЯ КАНТА В ОЦЕНКЕ ФРАНЦА МЕРИНГА

Среди теоретиков-марксистов II Интернационала, за исключением разве Г. В. Плеханова, никто не уделял вопросам истории философии столь значительного внимания, как Франц Меринг. И в ходе исторических исследований, и как публикатор наследия Маркса и Энгельса, и в своей философской публицистике, и в статьях по истории литературы Меринг многократно, по самым различным поводам обращался к освещению различных вопросов истории философии. Писал он и специальные статьи, посвященные тем или иным мыслителям прошлого.

Из домарксистских философов чаще всего Меринг обращался к Канту. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что господствовавшее в немецкой буржуазной философии в конце XIX века неокантианство стало проникать в ряды социал-демократии в виде неокантианской ревизии марксизма. Меринг, выступавший с решительной критикой неокантианства, естественно должен был обратиться к рассмотрению философских взглядов Канта.

Считая философию Канта в целом выражением стремлений немецкого бюргерства конца XVIII века принизить знание, дав дорогу вере¹, Меринг, и это справедливо подчеркивает

А. П. Петрашик², был далек от нигилистического отношения к Канту, свойственного, например, П. Лафаргу, который называл Канта всего лишь «буржуазным софистом». «Никто из нас не решится усмотреть в лице Канта «буржуазного софиста», как это сделал несколько лет тому назад товарищ Лафарг»³, — писал Меринг, отмечавший большую роль Канта в духовном развитии человечества.

Проблемам философского наследия Канта Меринг посвятил статьи: «Кант и социализм» (1900), «Неокантианцы» (1900), «Кант и Маркс» (1904), «Иммануил Кант» (1904), «Работы э Канте» (1904), «Кант и Спиноза» (1908); «Кант, Дицген, Мах и исторический материализм» (1910). Большинство из них представляют критический разбор многочисленной литературы: работ М. Адлера, М. Апеля, Э. Давида, Г. Зиммеля, Г. Когена, К. Скопника, К. Форлендера и др. Пишет Меринг о Канте также и в своих фундаментальных работах, таких, как «История германской социал-демократии», «История Германии», «Карл Маркс. История его жизни».

Наиболее подробно взгляды Канта рассмотрены Мерингом в статье «Иммануил Кант»: здесь освещены основные вехи жизненного и творческого пути немецкого философа, разобраны его произведения «Всеобщая естественная история и теория неба», «Критика чистого разума», охарактеризованы его теория познания, этика, учение о праве и государстве, и наконец, эстетика.

Одно время в историко-философской литературе высказывалось мнение, будто Меринг весьма некритично отнесся к Канту, и, более того, находился даже под его влиянием. Это мнение представляется несправедливым, хотя в меринговской характеристике Канта нельзя не видеть некоторых противоречий.

Естественно, что, критикуя неокантианских ревизионистов, Меринг большое внимание уделил этическому учению Канта, которому дал вполне правильную оценку: «...Кантова философия морали, — писал Меринг, — по своему происхождению мелкобуржуазна, как в смысле ее ограниченности, так и в смысле ее широковещательности»⁴.

Разумеется, необходимость полемики с неокантианцами, противопоставлявшими философию Канта историческому материализму, заставила Ф. Меринга сосредоточить все свое внимание на слабостях и противоречиях этико-правовой теории кенигсбергского философа. Марксизм органически впитал все лучшее, что содержалось в наследии немецкой буржуазной философской классики, в том числе, разумеется, и в кантовском наследии. Попытки «улучшения» марксизма ревизионистами-неокантианцами потребовали от марксистов сосредоточить свои усилия на том, чтобы обнаружить и обнародовать ошибки и заблуждения кантианства. Определенную односторонность меринговских оценок эта историческая ситуация и объясняет, и оправдывает. В тех условиях он совершенно справедливо писал:

«Измученным людям, вопившим о восстановлении своих прав, Кант в самой жестокой форме проповедовал прежде всего долг подданного всегда быть верным, преданным и послушным начальству»⁵.

Подобно тому как французская революция, несмотря на провозглашенные лозунги свободы, равенства и братства, лишила рабочий класс избирательных прав, так и Кант, согласно Мерингу, рассматривал трудящиеся массы только как обывателей, но не как равноправных граждан государства. В этом именно смысле, в смысле оправдания капиталистической эксплуатации, а не в качестве «нравственного фундамента социализма»⁶, в чем упражнялись сторонники этического социализма⁷, следует, по Мерингу, и оценивать постулаты кантовского «категорического императива». Меринг писал: «Категорический императив Канта представляет собой возобновленное издание десяти заповедей моисеевых». И в другом месте: «...а учение об абсолютно злом в человеческой природе не что иное как догмат о первом грехе»⁸.

Вместе с тем весьма высоко оценил Меринг произведения философа раннего, докритического периода, где Кант, по его словам, обнаруживает блестящие способности ученого: «Введя принцип эволюции в природу, Кант достиг высоты материалистического мышления, которой никто не достигал до него с тех пор, как Демокрит обосновал материалистическое миропонимание»⁹. Это вполне соответствовало оценке, данной этим же произведениям Канта Энгельсом¹⁰.

Меринг дал высокую оценку эстетике Канта, считая ее одним из «великих деяний» Канта, и даже «...самой гениальной частью» его философии¹¹. Будучи «приобретением практического опыта в той кипучей жизни, которая уже в течение пятидесятилетия развивалась в Германии в сфере художественного творчества...»¹², эстетика Канта оказала, по Мерингу, существенное воздействие на дальнейшее развитие литературы и искусства, в частности, на Шиллера.

Оценивая философию Канта в целом, Меринг усматривает ее положительное значение в критике и опровержении философского догматизма. «Для правильной исторической оценки Кантовой «Критики разума» прежде всего не следует упускать из виду, что значение ее для современников обуславливалось разрушением догматической философии, которая, подобно тяжелому кошмару, давила самые светлые умы среди этих современников»¹³. Вместе с тем Меринг отмечал непоследовательность, половинчатость кантовского критицизма: не устранив религии, сохранив христианский дуализм, разграничив чистый и практический разум, Кант тем самым дал «более разумным священникам»¹⁴ возможность примириться с ним. «Он хотел упразднить *знание* для того, чтобы расчистить место *верованию*.

Это было не особенно красиво уже тогда, и еще менее красиво теперь»¹⁵.

Что касается характеристики Кантовой гносеологии, то позиция Меринга сложна, часто недостаточно критична. Он совершенно правильно усматривает заслугу Канта в глубоком анализе проблемы несовпадения чувственного, эмпирического представления о предмете с самим предметом. Однако, преувеличивая роль данного несовпадения, Меринг полагает даже, что «основная идея» кантовской гносеологии, состоящая в том, «что мы познаем вещи не такими, какими они являются по существу, но такими, какими они представляются нашим чувствам, задолго до Канта была высказана Гельвецием, Гольбахом и другими французскими материалистами и, вообще, по существу своему принадлежит материалистической философии»¹⁶. И в другом месте Меринг одобрительно оценивает попытку Канта, отправляясь от Юма, перевернуть «весь опыт вверх ногами» и его вывод о том, что «предметы, находящиеся вне нас, мы видим не такими, какими они суть, а какими они представляются нашим несовершенным чувствам...»¹⁶.

Вместе с тем Меринг усматривает позитивную роль гносеологии Канта в том, что «он прямо отвергал учение старого идеализма о том, будто всякое познание путем опыта и чувств представляет собою один мираж и истина заключается только в идеях чистого рассудка; он говорил, наоборот: всякое познание вещей, почерпнутое из одного чистого рассудка, есть не более как мираж, и только в опыте заключается истина»¹⁷.

Однако здесь обнаруживается несовпадение меринговского подхода к теории познания Канта с тем, что писал о ней Энгельс. В одной из своих статей Меринг, например, пишет, что Энгельс отнесся к Канту несправедливо, «назвав теорию познания Канта, «философским чудачеством». Кант, правда, говорил,— продолжает Меринг,— что мы видим вещи не такими, каковы они на самом деле, но такими, какими они представляются нашим чувствам. Тем не менее, он в мире явлений вовсе не усматривал нечто только видимое, но целый мир практического опыта, так что сам подпался бы под положение, которым Энгельс пытается опровергнуть его, а именно, что доказательство существования пудинга заключается в том, что его съедают»¹⁸. Меринг не замечает, что понятие «практический опыт» — нонсенс с точки зрения Канта, что практика понимается последним идеалистически.

Это высказывание Меринга отнюдь не означает, что он совершенно реабилитирует кантовский агностицизм. Он прекрасно сознавал и не раз писал об этом, что «кантовская «вещь в себе» представляет собою огромный шаг назад в сравнении с материализмом»¹⁹. Оценивая положения Канта о том, что «...весь мир явлений вплоть до чувственной интуиции пространства и времени существует для человека только в человеческом пред-

ставлении, между тем как за ним скрывается в непроницаемом мраке абсолютная вещь — вещь в себе, — Меринг заключает. — Этим путем мышление и бытие были, с одной стороны, примирены, но зато, с другой — они тем дальше разошлись друг с другом»²⁰. И прямо выступая против философских ревизионистов, Меринг весьма определенно заявляет, что «теория познания Канта, долженствующая дополнить исторический материализм, все-таки остается философским недоноском...»²¹.

Отступает Меринг от Энгельса и в трактовке кантовской «вещи в себе», которая под пером Меринга сближается по существу с диалектико-материалистическим представлением об абсолютной истине. В вещи в себе Меринг предлагает видеть не «икс сомнительной загадки, но... икс бесконечного уравнения, которое предстоит решить идущему вперед познанию»²².

И в этой связи он ссылается на известное положение Энгельса о суверенном и несуверенном человеческом познании: «Таким образом, оказывается, что люди стоят перед противоречием: с одной стороны, перед ними задача — познать исчерпывающим образом систему мира в ее совокупной связи, а с другой стороны, их собственная природа, как и природа мировой системы, не позволяет им когда-либо полностью разрешить эту задачу. Но это противоречие лежит не только в природе обоих факторов, мира и людей, оно является таким же главным рычагом всего умственного прогресса и разрешается каждодневно и постоянно в бесконечном прогрессивном развитии человечества...»²³

Но и здесь, при некритическом восприятии многих идей кантовской гносеологии, в противоположность философским ревизионистам Меринг не усматривал в идеях Канта ничего такого, чем необходимо было бы дополнить философию марксизма. Он прямо писал, что даже «теория познания Канта не может сказать ничего нового историческому материализму, ничего такого, к чему он не пришел бы сам»²⁴.

Оценивая теоретическую деятельность Канта в целом, Меринг усматривает ее противоречивое значение, но главную заслугу видит в том, что Кант явился родоначальником таких идей в философии, которые через Фихте и Гегеля привели к марксизму: «Дело Канта... продолжали не только Фихте и Гегель, но также Шиллер и Шопенгауэр, с тою только разницей, что у последних это продолжение свелось к самому безнадежному филистерству, между тем как у первых... привело к высшей степени человеческого познания, какая до сих пор была достигнута»²⁵.

¹ См.: Меринг Фр. История германской социал-демократии. М.—Пг., Т. 1, 1923, с. 77.

² См.: Марксистская философия в XIX веке. Кн. 2. М., Наука, 1979, с. 231.

³ Меринг Ф. Иммануил Кант. — В кн.: На страже марксизма. М., Госиздат, 1927, с. 164.

⁴ Mehring Fr. Schriften über Kant (27 juli 1904). — Mehring Fr. Philosophische Aufsätze. B. 13. Berlin, 1961, S. 203.

⁵ См.: Меринг Ф. Кант и Маркс. — В кн.: На страже марксизма, с. 107.

⁶ Там же, с. 130.

⁷ Критикуя К. Форлендера, пытавшегося увидеть в критике Канта теоретическое обоснование социализма, Меринг писал, что можно пользоваться формулами Канта в различного рода упражнениях и умственных играх, но «пытаться исторически или логически вывести из этой фразы социализм — очевидная нелепость». См.: Меринг Ф. Кант и социализм. — В кн.: На страже марксизма, с. 99.

⁸ См.: Меринг Ф. Иммануил Кант. — Там же, с. 176.

⁹ См.: Там же, с. 169—170.

¹⁰ «Кантовская теория возникновения всех теперешних небесных тел из вращающихся туманных масс была величайшим завоеванием астрономии со времени Коперника. Впервые было поколеблено представление, будто природа не имеет никакой истории во времени. До сих пор считалось, что небесные тела с самого начала движутся по одним и тем же орбитам и пребывают в одних и тех же соотношениях; и хотя на отдельных небесных телах органические индивиды умирали, роды и виды всех же считались неизменными. Было, конечно, очевидно для всех, что природа находится в постоянном движении, но это движение представлялось как непрестанное повторение одних и тех же процессов. В этом представлении, вполне соответствовавшем метафизическому способу мышления, Кант пробил первую брешь и притом сделал это столь научным образом, что большинство приведенных им аргументов сохраняет свою силу и поныне» (Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 56—57).

¹¹ Mehring Fr. Schriften über Kant, S. 202.

¹² См.: Меринг Ф. Эммануил Кант. — В кн.: На страже марксизма, с. 178.

¹³ См.: Там же, с. 172.

¹⁴ Там же, с. 129.

¹⁵ Там же, с. 172.

¹⁶ См.: Меринг Ф. История германской социал-демократии. Т. 1, с. 74.

¹⁷ Там же, с. 73.

¹⁸ См.: Меринг Ф. Кант, Дицген, Мах и исторический материализм. — В кн.: На страже марксизма, с. 129.

¹⁹ См.: Меринг Ф. Эммануил Кант. — Там же, с. 173.

²⁰ См.: История германской социал-демократии. Т. 1, с. 74.

²¹ См.: Меринг Ф. Кант, Дицген, Мах и исторический материализм. — В кн.: На страже марксизма, с. 129.

²² См.: там же.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 36. См. также с. 77—78.

Ср.: «Поскольку Кант своей «вещью в себе» хотел просто указать на предельное понятие, поскольку он хотел сказать, что существуют границы человеческого познания, и какие бы исполинские успехи ни делал ум человеческий в познании природы, он никогда не проникнет во все тайны, — постольку можно было бы не возражать против этого». См.: Меринг Ф. История Германии, с. 97. Цит. по: Чагин Б. Философские и социологические воззрения Франца Меринга. М., Соцэкгиз, 1934, с. 74.

²⁴ См.: Меринг Ф. Кант, Дицген, Мах и исторический материализм. — В кн.: На страже марксизма. с. 129.

²⁵ Меринг Ф. Кант и Маркс. — В кн.: На страже марксизма, с. 110.